

ТАЦИТ О СМЕРТИ КЛАВДИЯ (ANN. XII, 67, 1)

*(История текста на примере одного пассажа)**

История отравления римского императора Клавдия 12 октября 54 г. н.э. очень интересна как по исполнению, так и по сопутствовавшим ему обстоятельствам, хотя несмотря на любопытные психологические перипетии оно вряд ли могло бы стать сюжетом увлекательного детективного романа. Элемент тайны, притягивающий как романистов, так и их читателей, здесь отсутствует: разыгранная на Палатине драма собрала, надо полагать, рекордное число зрителей, и кое-кто из них стоял достаточно близко к сцене, чтобы рассмотреть все до мельчайших деталей. Из Тацита и Светония мы знаем, что в последний год жизни Клавдий весьма и весьма раскисался в своем необдуманном браке с коварной Агриппиной и шансы оттесненного было от трона Британика неожиданно снова поднялись. Агриппине не оставалось ничего другого, кроме более или менее замаскированного преступления, и она очень удачно воспользовалась отсутствием уехавшего на курорт Нарцисса — ее главного врага, знавшего о ее связи с другим временщиком императора, вольноотпущенником Паллантом, и готовившего ей ту же участь, что и низвергнутой им ранее матери Британика Мессалине. Клавдию во время обеда был подан в любимом им грибном блюде медленный яд, сваренный знаменитой Локустой, но ввиду того, что император по обыкновению напился и с ним случился спасительный, как показалось отравительнице-императрице, понос, она решила прибегнуть к последнему средству, и бесчувственному монарху ввели в горло на этот раз быстродействующую дозу. Агриппина добилась своего: следующим императором стал ее сын Нерон (он был усыновлен в свое время Клавдием), но скандальное отравление стало буквально притчей во языцех: о нем сообщают не только историки, но и чуть ли не все современники: Ювенал, Марциал, Плиний, Сенека.

Тем не менее и в этой общеизвестной истории есть свое темное пятно: в том месте, где говорится о грибах (*boleti*), текст Тацита явно испорчен: имеются разночтения в рукописях и соответственно расхождения среди издателей. ... *infusum delectabili boleto venenum* «яд был впрыснут в восхитительный болет», читаем мы у авторитетнейшего Э. Кестермана, но из критического аппарата и комментария следует, что издатель предпочел здесь конъектуру Вурма¹, в то время как в М (медичейская рукопись XI в.) стоит бессмысленное *delectabili cibo leto*, перешедшее в ряд списков XV в., причем в некоторые с поздним (т. е. гуманистическим) и не слишком удачным исправлением *delectabili cibo et leto (=laeto)*; собственно болеты появляются только в датированной 1449 г. рукописи известного филолога XV в. Андреа де Бусси (Vaticanus 1958) и еще в четырех восходящих к ней списках, где читается *delectabili cibo boletorum* и именно этот, тоже безупречный (сочетание *cibus boletorum* выглядит странным, тем более для Тацита) вариант решил принять Рудольф Ганслик в очередном фасцикуле венского издания «Анналов» и «Историй»². Историкам

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на чтениях памяти И. М. Тронского (Ленинград, 6 января 1978 г.).

¹ См. *Cornelii Taciti libri qui supersunt. Tertium edidit E. Koestermann. I. Ab excessu divi Augusti. Lipsiae, 1974; Cornelius Tacitus. Annalen. B. III, Buch 11—13, erläutert von Koestermann. Heidelberg, 1967, S. 225 f.*

² См. *P. Cornelii Taciti annalium libri XI—XII, adnotationibus criticis ex omnibus codicibus qui extant haustis instruxit H. Weiskopf, praefationem scripsit R. Hanslik.— Wiener Studien, Beiheft 4. Wien, 1973.* Отметим, что Г. Фукс вообще устраняет *boleto*, см. ниже, прим. 6.

эта дилемма, вероятно, не покажется особенно важной: в конце концов не все ли равно, идет здесь речь об одном грибе или нескольких, но совсем недавно и несколько неожиданно оказалось, что этот вопрос заинтересовал биологов. В 1972 г. на страницах известного американского ботанического журнала появилась статья, в которой наряду с другими сенсационными случаями подлинного или мнимого отравления грибами (среди них фигурирует и русская царица Марфа Матвеевна Апраксина, вдова Федора, брата Петра) рассматривалась смерть Клавдия, причем было высказано предположение, что сами по себе грибы не были ядовиты, но к ним был подмешан соус, приготовленный Локустой из ядовитых грибов (*Amanita phalloides*)³. Однако уже в следующем году в том же журнале публикуется статья⁴, где предложенная идентификация яда ставится под сомнение и между прочим отмечаются уже известные нам текстологические трудности⁵. К сожалению, участникам этой биолого-филологической полемики издания и комментариев Кестермана остались неизвестными, а соответствующий венский фасцикул был недоступным (он вышел в том же 1973 г.). Тем не менее усилия их не оказались совсем напрасными хотя бы уже потому, что отмеченный ими пассаж действительно заслуживает самого тщательного текстологического анализа. Ниже мы попытаемся несколько продвинуться в этом направлении.

Наша задача не из легких: установление правильного чтения в данном случае, когда М дает явно ошибочный, а V 58 и ее списки — гораздо лучший вариант, предполагает предварительное разрешение куда более сложного и важного вопроса: стоит ли за рукописью Бусси независимая от М традиция, как считают венские ученые, или же ее лучшие чтения следует рассматривать как гуманистические конъектуры, как утверждают их оппоненты?⁶ Этому вопросу мы посвятили специальную работу⁷, и поэтому здесь мы не будем на нем особенно останавливаться. Укажем только, что уже само наличие трех групп ренессансных списков, а именно, наиболее полной первой (оканчивается на Hist. V, 26, 3 — остальная часть «Историй», как известно, безвозвратно для нас утрачена), второй, содержащий на три главы меньше и оканчивающейся на 23,2, и еще более кудей третьей (оканчивается на 13,1) говорит о том, что все эти *recensiores* — их 34 — восходят к какой-то очень старой и ветхой рукописи, от которой постепенно отрывались и терялись последние листы (ведь рукописи, в особенности языческих авторов, редко переплетались в то время), но которую все равно продолжали переписывать ввиду ее особенного авторитета, пока она не погибла. Этой рукописью не могла быть ни М, существующая и по сей день со всеми последними листками во Флоренции, ни какой-либо ее список, так как М попала во Флоренцию только

³ См. *Wasson R. G.* The Death of Claudius or Mushrooms for Murderers.—*Botanical Museum Leaflets, Harvard University*, v. 23, № 3, 1972, p. 101—128, особенно 122.

⁴ См. *Deltgen F., Kauer H.* The Claudius Case.—*Botanical Museum Leaflets*, v. 23, № 5, 1973, p. 213—244.

⁵ На с. 216 авторы цитируют текст «Анналов» по изданию Г. Фукса (*Tacitus. Annales*, ed. H. Fuchs. V. II. Frauenfeld, 1949), где читается: *infusum delectabili cibo [bo]leto venenum*, сопровождая его следующим примечанием: «The word „boleto“ in the text of H. Fuchs shows these brackets signifying: [] = traces in the codex; < > = lacking in the codex. This means that exactly in this critical passage we have to rely upon a conjecture» (p. 241, note 2). Здесь — досадное недоразумение: на самом деле Фукс считает слово *boleto* позднейшей вставкой и устраняет его из текста.

⁶ Литературу по вопросу по 1972 г. включительно дает Р. Ганслик в *Lustrum* 1973—74, В. 17. Wien, 1975, S. 172—180 с важными аннотациями, нередко содержащими персональные мнения автора.

⁷ См. нашу статью: *Tacitea. In stemma codicum libros XI—XXI continentium observationes.* — Сборник, поднесенный профессору А. И. Доватуре учениками по случаю его 80-летия в 1977 г. (рукопись).

в конце XIV в. и владельцы менее полных копий (*codices deteriores*) вряд ли стали бы заказывать списки с неполной новой рукописи, имея возможность переписать во Флоренции старый и более полный оригинал. Речь идет, по всей вероятности, о какой-то гораздо более старой, чем М, рукописи, написанной скорее всего каролингским минускулом⁸ (происходящая из Монте-Кассино М написана характерным для Юга Италии беневентским письмом), которую Бусси привез с собой в Геную — колофон V 58 свидетельствует о том, что она была переписана в Генуе в 1449 г.⁹, — или, может быть, которую он обнаружил в Генуе во время своего недолгого пребывания там (он был приглашен преподавать латинскую элоквенцию)¹⁰. Несомненно то, что Бусси первым работал с этим старым кодексом и имел возможность извлечь из него чрезвычайно удачные чтения, которые оказались недоступными последующим исследователям: вероятно в результате применения реактивов текст рукописи быстро портился, и филологи вынуждены были все чаще и чаще прибегать к помощи списка с М, имевшегося у Бусси или специально заказанного им для сличения с каролингским текстом (скорее всего он сделал коллацию прямо на каролингской рукописи, переписав на ее широких полях текст списка. Результаты сличения заносились в специальную тетрадь — так возникла V 58). При этом, как и все гуманисты, Бусси не пренебрегал и конъектурой, чаще всего поспешной и неудачной, но иногда и правильной. К сожалению, провести четкую грань между конъектурами Бусси и чтениями каролингской рукописи всегда очень затруднительно: каждый случай требует специального рассмотрения.

Итак, как же нам определить, является чтение V 58 *cibo boletorum* конъектурным или представляет независимую от чтения М *cibo leto* традицию? Здравый смысл подскажет нам действовать от противного. Предположим, что Бусси исправлял «от себя» (*suo Marte*), т. е. добавил окончание *-rum* и начальный слог *bo-*, выпавший в результате своеобразной

⁸ Это следует из того, что ряд рукописей второй и третьей групп решительно относятся палеографами к первой половине XV в., например, А («вряд ли позднее 1430 г., скорее даже раньше», см. P. Cornelii Taciti *annalium libri XV—XVI*, hrsg. v. F. Römer. — Wiener Studien, Beiheft 6. Wien, 1976, S. XVIII, Anm. 48 со ссылкой на английского палеографа Албинию де ла Маре); V 63 («около 1430», *ibid.*, S. XV). Специфически гуманистические особенности шрифта проступают в этих рукописях только в конце, «как если бы писец именно тогда осваивал новый тип шрифта» (де ла Маре). Однако списки второй и третьей групп не могли появиться ранее 1449 г. (древнейшая датированная рукопись второй группы была переписана в 1453 г. — это хранящийся в Венеции кодекс кардинала Бессариона — Ven), и поэтому логичнее предположить, что в этих трех случаях переписчики стремились возможно точнее воспроизвести шрифт каролингского оригинала, «желая тем самым придать достоинство своей рукописи» (Нисбет о Vaticanus Цицерона, см. M. Tulli Ciceronis in L. Calpurnium Pissonem oratio, ed. R. Nisbet. Oxf., 1961, p. XXI). Как известно, гуманистический курсив есть лишь слегка видоизмененный каролингский минускул, так что архаичный почерк А и V 58, по-видимому, свидетельствует не о времени изготовления этих списков, а лишь об усердии копистов — и ценности оригинала.

⁹ Он заслуживает внимания: Si quispiam hinc descripserit novum sciat me quantum repperi fideliter ab exemplo transcripsisse, quod inter cetera, de quibus scitur, non est neque pessimum neque mendosissimum etc. (цит. по: Taciti opera, rec. G. Ruperi, I. Hannoverae, 1834, p. XCIX). — «Если кто-нибудь снимет с этого списка копию, то пусть знает, что я честно переписал все, что нашел в своем тексте, который среди прочих известных нам не является ни самым плохим, ни самым неисправным». Эпитеты *pessimus* и *mendosissimus*, по-видимому, относятся к М, которая помимо своего трудного шрифта изобилует ошибками (в особенности в окончаниях слов), придающими тексту совершенно варварский вид. Неудивительно, что эта рукопись не пользовалась среди гуманистов особой популярностью, как следует из писем Поджио Николаю Николи, см. Zelzer M. Zur Frage der Vorlage des Tacitus — Codex Mediceus 68,2. — Wiener Studien, B. VII, 1973, S. 185—195.

¹⁰ О Бусси см. Dizionario biografico degli italiani, 15. Roma, 1972, p. 565—572 (M. Miglio).

гаплоглозии (в старых майускульных и во многих минускульных текстах слова, как известно, интервалами не разделялись — так называемая *scriptura continua*). Подправить окончание явно было нетрудно: Бусси вполне мог это сделать сам и делал это в других случаях неоднократно — не всегда с успехом, как, впрочем, и здесь. Но как быть с *bo-*? Слово *boletus* у классических авторов (т. е. Вергилия, Цицерона, Горация, Ливия и т. д.), которых гуманисты знали очень хорошо, не встречается, так как эти грибы вошли в моду только в I в. н. э.; первым стал его употреблять Сенека¹¹, а у Тацита оно появляется всего один раз — в данном случае. Правда, Бусси мог найти его у других авторов и, главное, слитить тацитовский пассаж с версией Светония, где тоже упоминается «болет с начинкой»¹². Но Бусси мог и не вспомнить про Светония, а если даже и вспомнил, не иметь экземпляра под рукой: он был молод и беден, стало быть, ему приходилось продавать свои рукописи, а в Генуе найти Светония было, наверное, непросто (этот город был известен в то время купцами, а не учеными); наконец, у него, вероятно, просто не было времени возиться с одним местом рукописи: ее могли дать на время и он торопился, а по натуре своей Бусси, как мы знаем, всегда и везде был склонен спешить.

Но предположим совсем уж крайний случай: текст Светония лежал у молодого тацитоведа перед глазами. Даже тогда конъектура нам не гарантирована. Вот пример. Боккаччо был одним из первых, кто познакомился с монтекассинской рукописью Тацита¹³, и широко использовал ее в написанном по-латыни сочинении «О знаменитых женщинах» (*De claris mulieribus*). Отдельная глава посвящена жене Клавдия Агриппине, и в эпизоде отравления фразы из Светония и Тацита следуют одна за другой¹⁴. Казалось бы, естественно ожидать, что наш знаменитый автор заметит ошибку в М и добавит *bo-* на полях или над текстом: в М немало всякого рода исправлений, сделанных в самое различное время. Этого, однако, не случилось. Не исправили ошибки переписчики и корректоры тех списков, которые не восходят к рукописи Бусси, а ведь среди них должны были быть очень хорошие филологи, и нам известно имя одного блестящего латиниста — голландца Рудольфа Агриколы. Остается сделать вывод, что гораздо легче подставить иное окончание, чем из одного слова построить совсем другое и что роль Бусси в возникновении нашего текста относительно невелика.

Этого рассуждения, как нам кажется, вполне достаточно, но у нас есть редкая возможность прийти к тому же результату путем совершенно независимого параллельного доказательств. В уже цитированной статье «Тезауруса» приводится любопытная глосса: Gloss. V 493, 5 *boletos delectabiles* с отсылкой к разбираемому здесь тацитовскому пассажи. Она заимствована из греко-латинского глоссария XI в., составленного, как считают палеографы, в Апулии или Далмации¹⁵, но принадлежит не первой руке, а современной ей второй, т. е. внесена в глоссарий вскоре после его написания. Ввиду того что именно этим временем датируется и монте-

¹¹ См. ThLL, vol. II, col. 2066, 65 ss.; Oxford Latin Dictionary, f. I, s. v.

¹² См. *Suet.*, Claud. 44: *Et veneno quidem occisum convenit; ubi autem et per quem dato, discrepat... alii domestico convivio per ipsam Agrippinam, quae boletum medicatum avidissimo ciborum talium optulerat* (rec. C. Roth, Lipsiae, 1886).

¹³ Версия о том, что именно он похитил ее из аббатства и привез во Флоренцию, ныне оставлена, см. *Coulter C.* — *Classical Philology*, 43, 1948, p. 217—230; *Billanovich G.* *I primi umanisti e le tradizioni dei classici latini*. Friburg, 1953.

¹⁴ См. *Nolhac P. de.* *Vocace et Tacite.* — *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, XII, 1892, p. 125—149, особенно — p. 133, где сливаются все три пассажа.

¹⁵ Это Vat. 1468, см. *Loew E. A.* *The Beneventan Script*. Oxf., 1914, p. 152; *Lindsay W.* — *Classical Review*, XXXI, 1917, p. 130 ff.

кассинская рукопись Тацита (Med. 68,2 = M), естественно сближать по крайней мере вторую руку глоссария Vat. 1468 с монтекассинским скрипторием. Глосса была явно извлечена из оригинала M, которым скорее всего был каролингский кодекс, переписанный Бусси в Генуе: три знаменитые транспозиции в «Историях» указывают на очень близкое родство медичейской и всех прочих рукописей¹⁶. Бусси и глоссатор XI в., видимо, пользовались одним и тем же источником.

Таким образом, *boleto*, по всей видимости, восходит к каролингской рукописи. Этот вывод очень важен для истории тацитового текста, но для понимания нашего пассажи, например, ботаникам он не дает ровно ничего: мы еще далеки от подлинно тацитовского текста. Существенно здесь другое: конъектура это или нет, чтение *delectabili cibo boleto* должно быть исправлено и, разумеется, не так, как это сделал Бусси: оборот *cibus boletorum* «пища шампиньонов» (род. объекта)¹⁷ странен во всех отношениях. Известны две возможности: устранять *cibo* (Вурм, Кестерман и многие другие) или *boleto*, как делает Г. Фукс, по-видимому, рассматривающий его как глоссу к *delectabili cibo*¹⁸. Мы предпочитаем третье: признать позднейшей вставкой и соответственно зачеркнуть *delectabili cibo*¹⁹. Для этого имеются следующие основания.

1. Лингвистические. Прил. *delectabilis* «сладостный», «восхитительный» больше у Тацита не встречается и, что особенно настораживает, не появляется ни у кого до Тацита. Его современники избегают употреблять это слово. Оно засвидетельствовано по-настоящему у авторов II в., Авла Геллия и Апулея, но входит в моду только в следующем столетии: это очень популярный эпитет в церковной латыни²⁰. Для Тацита такое стандартное новообразование на *-bilis* было слишком явно вульгарным и, следовательно, невозможным²¹, тем более в «Анналах», где его стиль достигает высшей ступени рафинированности и изысканности. Характерно, что даже вполне классическое *delecto* «улаждаю» присутствует только в «Диалоге об ораторах», по-видимому, самом раннем тацитовском произведении (гл. 14, 22, 31); *delectatio* «улаждение» известно лишь в «Германии» (гл. 16): в написанных позже трудах их сменяют более вычурные и менее «разговорные» (соответственно не перешедшие в романские языки) *oblecto*, *oblectatio*, *oblectamentum*. Вообще у Тацита мы не встретим вульгаризмов ни в лексике, ни в синтаксисе: для специалиста по вульгарной латыни Тацит интересен лишь как *argumentum ex silentio*.

2. Другое соображение: характер глоссы. Смысл глосс в том, чтобы

¹⁶ О транспозициях см. P. Cornelii Taciti historiarum libri, ed. E. Koestermann, Lipsiae, 1969, p. IX—XI.

¹⁷ Ср. ThLL, V. III, (1912), col. 1041, 66 ss., где приводятся примеры только из Плиния Старшего и церковной латыни.

¹⁸ Идея принадлежит Й. Орелли (см. C. Taciti opera, ed. I. G. Orelli. T. I. Turici, 1846, ad locum).

¹⁹ Это сделал Франц Риттер в своем издании 1864 г., ср. его примечание в предыдущем издании 1848 г. к *delectabili cibo* [*boleto*]: «Glossa ex Suetonio vel Iuvenale sumpta est. Orellius eam vocem tamquam sibi suspectam seclisit, sed neque certus iudicii neque firmo argumento usus» (C. Taciti opera, ed. F. Ritter, t. I. Cantabrigiae, 1848, ad locum). Как часто бывает, мы пришли к этому выводу самостоятельно.

²⁰ См. ThLL, v. II (1900—1906), col. 2066 sq.; Oxford Latin Dictionary, f. 2. s. v.; Gerber A., Greef A. Lexicon Taciteum. Lipsiae, 1903, s. v.

²¹ Отметим не без некоторого удивления, что на это обратил внимание уже голландец Николай Гейнзий (Nicolaus Heinsius, 1620—1681), хотя предложенное им исправление *delecto ad id habili cibo boletorum* (см. Cornelii Taciti opera, ed. I. A. Ernesti, t. II, Lipsiae, 1772, p. 712—713 — заметки Гейнзия были опубликованы почти сто лет спустя его кончины), как и приведенные там же другие примеры столь же решительного «разбора» прилагательных на *-bilis* у Курция Руфа вряд ли могут вызвать одобрение. Из известных нам комментаторов эту оригинальную попытку упоминает только Г. Вальтер (см. Cornelii Taciti opera, ed. G. Walther. T. I. Halae, 1831, ad locum).

объяснять неизвестное через известное, частное через общее. Наш случай вполне подходит под это определение. Дело в том, что слово «болет» несомненно испанского происхождения: оно возникло из названия городка (ср. названия «херес», «коньяк» и т. п.) в отрогах Пиренеев (Boletum, Дыне Voltaña, пров. Уэска), который и поныне славится своими грибами и трюфелями²². В I в. н. э. (они известны уже при Тиберии, см. Suet., Tib. 42), а может быть и раньше, со времен кампании Августа в Кантабрии, болеты стали широко экспортироваться в Италию и быстро приобрели значительную популярность во всей империи²³, как свидетельствуют греч. *βολιτης* (суффикс по аналогии с *ἀμανιτης* «гриб»), рум. *burete* «гриб, губка» (окончание указывает на греческое влияние — удельный вес эллинизированного населения, т. е. греков и выходцев из Малой Азии, был в Дакии и вообще на Балканах весьма значительным) и даже нем. *Pilz* и, может быть, рус. (зап.) *блицы*. Однако в современных романских языках слово «болет» сохранилось лишь в непосредственной близости от Пиренеев²⁴, ср. кат., пров. *bolet*, баск. *guretu* и кое-где в восточнофранцузских, ретороманских и североитальянских горах: на остальной территории удержалось старое лат. *fungus* (ср. ит. *fungo*, исп. *hongo*). Отсутствует оно и в новогреческом²⁵. По-видимому, в связи с постепенным упадком экономики и понижением уровня жизни в Поздней Римской империи болеты выходят из употребления, по крайней мере в Италии, и само слово начинает забываться. Возникает необходимость его пояснять всякий раз, когда оно встречается в текстах предшествующей эпохи: бывший конкурент *fungus* служит удобным эквивалентом²⁶. В составленном на рубеже IV—V вв. сборнике кулинарных рецептов «Апиций»²⁷ глосса проникает в текст: VII, 13, 4 *Boletus fungus*²⁸. Вероятно, тем же временем следует датировать и тацитовскую глоссу: *boleto delectabili cibo*. Глоссатор, по-видимому, воспользовался известным местом из Светония, где Нерон *boletos, in quo cibi genere venenum is* (т. е. Клавдий) *acciperat, quasi deorum cibum posthac proverbio Graeco collaudare est solitus* (Suet., Nero, 33). Это далеко не единственный случай: Тацит, видимо, никогда не был школьным автором, но все же его произведения и в особенности второй массив «Анналов» XI—XXI хранят следы интереса и затруднений позднеантичных и раннесредневековых филологов²⁹.

3. Сравнение с параллельными версиями³⁰. Если мы сопоставим наш текст с сообщениями других авторов, то обнаружится, что все говорят только об одном грибе, ср. Mart., I, 20, 4 *boletum, qualem Claudius edit, edas* «съешь такой шампиньон, какой съел Клавдий»; ср. Iuv., 5, 147;

²² См. Imholtz A. Fungi and Place-names, the Origin of *boletus*.— *AJPh*, 98, 1, 1977, p. 71—76.

²³ О болетах в древности см. RE, XX (1950), Sp. 1378 (Steier), а также André J. L'alimentation et la cuisine à Rome. P., 1961, p. 43—46.

²⁴ См. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1972, S. 1193; Faré R. A. Postille italiane al REW. Milano, 1972, p. 1193; Mittelateinische Wörterbuch, I (1967, S. 1511) с любопытными примерами из английских средневековых текстов (ср. др. англ. *bulot*).

²⁵ Ср. новогр. *το μανιτάρι* «гриб» < (*ἀ*)μανιτάριον.

²⁶ Ср. старую глоссу к Ювеналу 5, 147 de Claudio Nerone dicit, quia fungo uxore sua faciente mortuus est (цит. по: A. Persii Flacci, D. Iunii Iuvenalis, Sulpiciae saturae. Rec. O. Jahn. Editionem quartam cur. F. Leo. Berolini, 1910, p. 124).

²⁷ См. Apicius de re coquinaria, ed. M. E. Milham. Lipsiae, 1969, p. V.

²⁸ André J. Apicius, L'art Culinaire (De Re Coquinaria). P., 1965, p. 212.

²⁹ См. Nipperdey C. Emendationes historiarum Taciti, Ienae, 1855, где среди более или менее спорных случаев приводятся совершенно ясные примеры, например, на с. 4: Hist. II, 28, 2: *sin victoriae [sanitas sustentaculum] columen in Italia verteretur*, cf. Gloss. V, 11, 10; Hist. II, 21, 1, *dum reportans gerunt M* (и Н. Heubner ad locum).

³⁰ О версии Тацита в сравнении с сообщениями других авторов см. Flach D.—Museum Helveticum, 30, 2, 1973, p. 91 f.

6, 621³¹. Очень подробное описание дает нам Дион Кассий (60, 34, 2) «И сама она (т. е. Агриппина) ела другие грибы, а его (т. е. Клавдия) заставила съесть тот, который содержал яд (он был самым большим и самым красивым)»³². Чтение *boleto* можно, таким образом, считать надежно установленным, однако нельзя поручиться, что перед ним не стоял какой-нибудь эпитет, например, *pulcherrimo* или *eximio* и т. д.: как известно, глоссы, проникая в текст, очень часто «съедают» стоявшее там слово³³.

Эта неокончателность результата, обычная вещь в такого рода исследованиях, не должна нас обескураживать: текстология и не претендует восстанавливать невозможное. Тем не менее, пассаж о болете заслуживает всяческого внимания и, как нам кажется, вполне оправдывает затраченные на него усилия. Благодаря ему текстологи получают редкую возможность подняться по стемме выше медицинской списки XI в. к его каролингскому прототипу³⁴; историки³⁵ могут теперь с уверенностью сказать, что Клавдий был отравлен грибом, в который был впрыснут яд, и из этого исторического факта должны отныне исходить в своих рассуждениях и биологи.

А. Б. Черняк

TACITUS ON THE DEATH OF CLAUDIUS (ANN. XII, 67, 1)

A. B. Chernyak

The reading of the archetype *infuso delectabili cibo boleto venenum*, which derives from *Med.* (11th century) *cibo leto* and *Vat. 1958* (1449) *cibo boletorum*, contains the patent gloss *delectabili cibo*, cf. *Suet. Claud. 44*; *Nero 33*—as F. Ritter noticed in 1848. In place

³¹ Вертриан Мавр (M. Vertrianus Maurus, годы жизни неизвестны), видный французский гуманист середины XVI в. (см. *Etter E.-L. Tacitus in der Geistesgeschichte des 16. und 17. Jhdts.* Basel, 1966, S. 32 f.) в своих «Примечаниях к Анналам Тацита» (Лион, 1559, мы цитируем по изданию C. Taciti et Vellei Paterculi scripta... Parisiis, P. Chevalier, 1608, p. 344) приводит следующий пассаж из Сенеки (без указания произведения): *Nec post boletum opipare medicamentis conditum, plus cibi sumpsit* «и не съел он больше ничего после болета, обильно приправленного снадобьями». Ссылку повторяет И. Гроновий в своем издании 1695 г., но ни Эрнести, ни Руперти о ней не упоминают. Мы тщетно искали это место в Тезаурусе под словами *boletus* и *opipare*. Последнее наречие встречается в архаической латыни, один раз у Цицерона и затем у архаистов II в. н. э.: его трудно, стало быть, ожидать у Сенеки. Кроме того, пассаж содержит заимствование из Светония (ср. *Suet., Claud. 44 boletum medicatum*), одновременно являясь парафразой известного стиха Ювенала: *Iuv., V. 146—8: vilibus ancipites fungi dabuntur amicis, boletus domino, sed quales Claudius edit ante illum uxoris, post quem nihil amplius edit.* Авторство Сенеки, таким образом, отпадает, но откуда извлек эту фразу Вертриан, остается загадкой.

³² См. *Cassii Dionis historiarum Romanarum quae supersunt*, ed. U. P. Boissevin. V. III, Berolini, 1901. Не исключено, что историк, живший на рубеже II и III вв. (155 — около 235 г.), использовал рассмотренный здесь тацитовский пассаж, еще не содержащий злополучной глоссы.

³³ Ср. *Petr., 35,4*, где глосса *piscisculum marinum* вытеснила *dracomet*, см. *Velozo R. B.—Classical Quarterly*, XXVI, 2, 1976, p. 319.

³⁴ Важность нашего пассажа для истории тацитовского текста уже подчеркнул П. Вюйемье (см. *Wuilleumier P. L'empoisonnement de Claude.—In: Mélanges Jacques Neurgon (Collection de l'école française de Rome 27).* Rome, 1976, p. 1033—1034; выражаема искреннюю признательность автору за присылку оттиска), который, однако, использует его для малообоснованной, на наш взгляд, атаки на достоинство рукописи Бусси (*Vat. 1958 = V 58*).

³⁵ Попутно мы можем предложить маленькую поправку к RE, XX, Sp. 1378, 4—8, где на основании глоссы из *Vat. 1468* подчеркиваются высокие вкусовые качества болетов (*wohlschmeckende*). Мы совсем не собираемся утверждать противное, но из предложенного здесь этюда следует, что автор записанной в XI в. глоссы вряд ли имел когда-либо возможность не только попробовать, но даже просто увидеть интересный нас гриб.

of the gloss there stood in the author's text and copies of it made in antiquity some epithet (*eximio? pulcherrimo?*) If so we have additional confirmation that (a) Claudius was poisoned by one mushroom, into which the poison was injected; (b) *Vat. 1958* and its copies are contaminated, showing, besides the influence of *Med.*, traces of an independent tradition. In all probability A. del Bussi found in Genoa a very old manuscript of Tacitus (in Carolingian minuscule?) and read it with the aid of a copy of *Med.* transferred onto its margins for convenience. It was just this long-suffering manuscript, gradually shedding its end leaves and finally disappearing for ever, from which derived all the humanist copies of the second ms. massif containing the *Annals* and *Histories*, though by no means all the copyists were able to extract anything of value from its text, blackened as it was by time and reagents.
